

Людмила детективный роман

МАРТОВА

Раскрыть тайну
старинной усадьбы

ШЕПОТ КРУЖЕВНЫХ БЕРЕЗ

18+

Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой

Людмила Мартова

Шепот кружевных берез

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Шепот кружевных берез / Л. Мартова — «Эксмо»,
2025 — (Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой)

ISBN 978-5-04-255762-0

Снежана приезжает в санаторий «Березовая роща», чтобы восстановиться после болезни. Место завораживает ее своей красотой и историей: это старинная усадьба графов Рошиных, о которой ходят мистические легенды. Снежана, увлеченная кружевным делом, ищет вдохновение в природе, собирает березовый сок и делает зарисовки узоров. Однако идиллия нарушается встречей с лесником, который ведет себя подозрительно, появляясь в роще с ножом и тележкой. А вскоре пропадает невеста местного бизнесмена. Ее находят в роще в состоянии амнезии, а рядом обнаруживают тело убитого мужчины. Дело ведет следователь Зимин, по совместительству муж Снежаны, и она, конечно, не может остаться в стороне... Романы Людмилы Мартовой из серии «Желание женщины» — это истории о любви, семейных тайнах, непростых жизненных обстоятельствах и поиске ответов на вопросы, которые порой меняют судьбу. За детективной интригой скрываются истории обычных людей, которым приходится принимать сложные решения, преодолевать страхи и заново учиться доверять себе и окружающим. Героини Людмилы Мартовой не опускают руки перед трудностями и на собственном опыте убеждаются: даже после тяжелых испытаний жизнь может подарить новые возможности. А расследования, неожиданные события и встречи становятся частью пути, который приводит к пониманию себя и своих близких.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255762-0

© Мартова Л., 2025

© Эксмо, 2025

Людмила Мартова

Шепот кружевных берез

© Мартова Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Снег уже окончательно сошел, но воздух, прозрачный и звонкий, был наполнен не до конца развеявшимся запахом талых сугробов, к которому примешивался тонкий, едва слышимый, сладковатый аромат березового сока. Снежана жадно втянула этот воздух носом, чувствуя, как раскрываются скукоженные за зиму легкие, впуская долгожданную свежесть.

Минувшей зимой она много болела. Простуда, возникшая осенью из-за промокших на прогулке с детьми ног, плавно перетекла в бронхит. Не успела Снежана поправиться, как подхватила грипп, который в этом году оказался каким-то хитрым, с подвывертом, и совершенно измотал организм долго не спадающей температурой, а потом почти месячной слабостью.

Подозревали пневмонию, но, к счастью, обошлось. Окончательно Снежана поправилась лишь к концу марта, но чувствовала себя вымотанной, как олимпийский пловец на длинной дистанции, наконец-то добравшийся до финиша. Она быстро утомлялась, глаза частенько становились мокрыми без всякой причины, и даже игры с детьми, ее постоянная отдушина, перестали приносить радость. Уж слишком много сил они требовали.

– Снежинка, тебе надо отдохнуть, – твердила мама, но Снежана отмахивалась.

Что значит отдохнуть, когда у нее двое маленьких детей, вечно пропадающий на сложной работе муж и ателье, требующее постоянного внимания?

– Поезжай в санаторий, подыши свежим воздухом, восстановись хорошенько, а мы с Мишей справимся. С детьми так точно. Это же просто удача, что я пока здесь. Этим временем нужно распорядиться с умом, – уговаривала мама.

Ирина Григорьевна приехала всего на месяц, максимум, на два, и расставаться с ней ради какого-то санатория Снежане не хотелось. Два года назад ее семидесятипятилетняя мама влюбилась, да так сильно, что решила выйти замуж за почтенного владельца швейцарской медицинской клиники, оставив дочь и внуков разбираться с жизнью самостоятельно.

Ее новый муж Филипп Дюваль жил по соседству с Татьяной Елисеевой-Лейзен, Таточкой, у которой мама на момент знакомства со своим избранником и гостила. Брак оказался удачным, по крайней мере, Снежана была уверена, что маме живется хорошо и спокойно. Вот только Таточка перед самым Новым годом умерла, и эту потерю не так давно обретенной родственницы, ставшей близкой подругой, мама переживала тяжело. Так тяжело, что муж предложил ей съездить в Россию, провести дочь и внуков.

Снежана предвкушала, что лето они проведут на даче, которую мама очень любила, но та затягивать визит отказалась наотрез.

– Снежинка, ты пойми. В мае Филиппу исполняется восемьдесят. Все его дети съедутся на юбилей, и, разумеется, я должна быть там.

Снежана понимала, потому что очень любила маму и хорошо относилась к Филиппу Дювалю. А раз так, значит, ни о каком отъезде из дома не может быть и речи. Однако мама не сдавалась, взяв в союзники Зимины. Как-то, придя с работы, тот положил перед Снежаной оплаченную путевку в санаторий «Березовая роща», расположенный в Тульской области. Ехать предстояло через две недели, впятую очередь: Зимин, Снежана, Ирина Григорьевна и дети.

– А что? Им тоже не вредно подышать весенним воздухом. А то сидят всю зиму в городской квартире. Куда это годится, – убежденно заявил Зимин. – Я узнавал, там есть детская комната с воспитателями, что-то типа клуба. Туда можно отдавать детей, пока взрослые ходят по процедурам. Ты подлечишься, отдохнешь, мама будет рядом, да и мне отпуск не помешает.

Это точно. Последний раз полковник Зимин брал отпуск в позапрошлом году, и отдых, положив руку на сердце, ему был необходим гораздо больше, чем Снежана. Уезжать из дома, нарушая привычный быт и распорядок дня, было страшно, но описание санатория, найденное в интернете, выглядело крайне соблазнительно, и она согласилась.

Отъезд был запланирован на вечер пятницы, третьего апреля, с шестого у Зимина начинался двухнедельный отпуск, но в последний свой рабочий день он вернулся домой чернее тучи. Только взглянув на лицо мужа, Снежана все поняла.

– Ты никуда не едешь? – спросила она печально, но без раздражения. У ее мужа была такая работа, и он ее любил. – Что на этот раз?

– Убийство, – покаянно признался Зимин. – Снежинка, я должен остаться. Вы поезжайте вчетвером, а я через неделю к вам присоединюсь. Убийство простое, яйца выеденного не стоит. Того, кто его совершил, задержали прямо над трупом с орудием преступления в руках, так что я быстро управляюсь.

Так и получилось, что в санаторий, расположенный в ста шестидесяти километрах от Москвы, Снежана вчера приехала с мамой и детьми. Номеров у них было два. В одном расположилась Ирина Григорьевна с почти пятилетней Танюшкой и Ванечкой, которому «стукнуло» два с половиной. Второй номер оказался в безраздельном пользовании Снежаны.

Она, конечно, предприняла робкую попытку забрать детей себе, но мама и слушать ее не стала.

– Во-первых, скоро приедет Миша. Вам просто необходимо побыть вдвоем, без детей. А во-вторых, я так долго не видела внуков, что рада каждому мгновению, которое могу провести рядом с ними. Скоро я вернусь к Филиппу, и непонятно, когда мы снова сможем увидеться. В наши годы ничего нельзя планировать и откладывать. Так что нет, нет и нет. Отдыхай!

Вспомнив сейчас мамину решительность, Снежана улыбнулась, подставив лицо солнцу. Оно светило уже по-весеннему ярко, но все еще не грело. Лучи, пробиваясь сквозь ветви берез, создавали на влажной земле, покрытой прелым ковром прошлогодних листьев, причудливую игру света и тени. В небольших лужицах отражалось небо, высокое, голубое, с редкими белыми облаками. Все вместе это напоминало кружево.

Ну, конечно, что же еще. Снежана Зимина была потомственной кружевницей, а потому причудливую вязь видела во всем. И не только видела, но и черпала идеи для создания собственных сколков – то есть рисунков, на основе которых она и плела кружева, пользующиеся огромным спросом.

Вот и сейчас, стоя в березовой роще, давшей название санаторию, в который они приехали, Снежана жадно впитывала в себя созданные природой картины, источник ее неиссякаемого вдохновения. Белоснежная кора деревьев с черными чечевичками выглядела особенно ярко на фоне голубого неба. Скорее всего, летом листва полностью закрывает его, создавая тень и даря ощущение прохлады, но сейчас, в начале апреля, яркая синь оттеняла черно-белый узор, создаваемый стволами берез и голыми ветками.

Тонкие, изящные, они тянулись вверх и слегка склонялись под тяжестью уже набухающих почек. Кое-где виднелись березовые сережки – пока еще плотные, светло-коричневые. Набухшие почки казались липкими и блестящими, готовыми вот-вот лопнуть, выпуская первые листочки. В некоторых местах старая береста отслаивалась тонкими полосками, обнажая гладкую поверхность стволов. На них тут и там виднелись заметные капли сока – весенний плач берез. Снежана присмотрелась и увидела, как прозрачная жидкость медленно стекает по коре.

Она подошла чуть ближе, завороченно глядя, как чуть ниже набухшей почки на стволе зреет, блестя на солнце, небольшая капелька. Затем медленно запрокинула голову, словно спрашивая разрешения у дерева, тихонько коснулась ствола ладонью, ощутив под пальцами прохладу и легкую, чуть колючую шероховатость бересты. Осторожно, с взявшимся откуда-то трепетом припала губами к коре в том месте, где набухла капля. Губы мягко сомкнулись

вокруг нее. Она никогда-никогда не пробовала настоящий березовый сок. Только купленный в магазине.

В ее детстве сок разливали по стаканам из больших треугольных тубусов, стоявших на прилавке. Продавщица поворачивала тугой кран, и звонкая струя ударяла в стакан. Тубусов в подставке было два, и каждый день, возвращаясь из детского сада, Снежана гадала, какое сочетание соков сегодня будет в продаже. Всего их было три: томатный, яблочный и самый ее любимый – березовый. И в день, когда он оказывался в продаже, Снежана всегда выбирала его.

Сок ей покупал папа, забиравший ее из детсада. И это была их маленькая тайна, одна на двоих. Помимо сока ее частью еще являлась обязательная булочка-витушка с маком, которую они торжественно делили на двоих. Папа умер уже давно, а светлые детские воспоминания остались, и Снежана всегда радовалась, когда они приходили. Вот как сейчас, вызванные неожиданным весенним вкусом на ее губах: легким, чуть сладковатым, с едва заметной терпкостью и тонким древесным оттенком. Таким непохожим на сладкий напиток из ее детства.

Снежана сделала еще один аккуратный глоток, чуть сильнее присосавшись к трещинке в стволе и чувствуя, как прохладная капелька скользит по языку. Закрывает глаза, наслаждаясь моментом. В ушах звучал тихий шелест голых упругих ветвей, щебет уже вернувшихся с юга птиц, вновь обживающих рощу. Под губами все сочилась и сочилась прозрачная струйка березового сока, живая, весенняя, наполняющая какой-то особой силой, и Снежана вдруг остро пожалела, что не может разделить эту минуту с мужем.

Она отстранилась на мгновение, провела тыльной стороной ладони по губам, стерла остатки сока и улыбнулась. Рядом на коре созрела еще одна прозрачная капля, готовая, чтобы ее нашли, и еще одна, и еще. Снежана снова припала к стволу губами, впитывая в себя тонкий вкус весны, а вместе с ним какое-то новое чувство полного слияния с природой.

Роща казалась хрупкой и уязвимой, скорее всего, от того, что только просыпалась после долгого зимнего сна. Снежана уже представляла, как переложит это ощущение в тонкую вязь кружева, но неожиданный звук заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. В тишине апрельской рощи раздался резкий щелчок, будто кто-то наступил на сухую ветку. Ей показалось, или звук прозвучал совсем близко, в каких-то десяти шагах за спиной.

Она вздрогнула, отстранилась от березы и медленно обернулась, чувствуя, как быстро забило от внезапного испуга сердце. Ветки кустов неподалеку чуть подрагивали, будто кто-то неведомый только что прошел сквозь них и затаился, разглядывая незнакомку. Снежана невольно сжала пальцы на стволе, сухая кора неприятно впилась в ладонь. Взгляд ее заметался между деревьями, пытаясь уловить движение, но вокруг не было ни души, только ветер покачивал ветви, будто насмехаясь над ее испугом.

Звук повторился, но уже отдаваясь. Снежана снова напряженно вгляделась в глубину березовой рощи, и там, между стволами, ей почудился темный силуэт, скользнувший за дерево. Или это просто игра света и тени? Она снова огляделась и теперь заметила то тут, то там V-образные надрезы на коре глубиной не более двух-трех миллиметров, сделанные ножиком. В надрезы вставили тонкие щепки, по которым березовый сок стекал в привязанные к стволам пластиковые бутылки.

Все понятно, в роще просто собирают березовый сок и кто-то из сборщиков тактично удалился, чтобы ей не мешать. Отчего-то Снежане вдруг стало жалко деревьев, у которых человек по своей воле отбирал живительную силу. Легкое настроение подпортилось. Она огляделась, пытаясь понять, насколько далеко забрела. Пожалуй, надо возвращаться, скоро обед.

Снежана неплохо ориентировалась в лесу, да и не лес это был, а действительно только роща, пусть и большая. На то, чтобы твердо встать на тропинку, ведущую к санаторию, понадобилась пара минут, не больше, и вскоре она быстро шагала по дороге, ведущей к отреставрированной усадьбе восемнадцатого века, волею судьбы на две недели ставшей их пристанищем.

Как гласили путеводители, когда-то это была загородная резиденция дворянского рода Роциных, а теперь престижное место для отдыха и оздоровления. Снежана поморщилась. Фу, слово-то какое неприятное. «Оздоровление». Как бы то ни было, путевки сюда стоили небольшое состояние. За себя и детей заплатила мама, а точнее, ее швейцарский муж, и Снежана была благодарна и им, и Зимину за возможность оказаться здесь.

Вчера она хорошенечко огляделась по сторонам, и усадьба ей понравилась. При реставрации архитектурный ансамбль сохранил свой исторический облик, но внутри все оборудовали по последнему слову техники, так что отпуск обещал быть не только полезным, но и комфортным.

Минут через десять Снежана уже подходила к главному корпусу, то есть к бывшему барскому дому. Трехэтажное здание с колоннадой, лепниной и фронтоном, выкрашенное в светло-кремовый цвет, стояло в глубине территории. По бокам от него расположились два старинных флигеля, в одном находился спа-центр, который Снежана надеялась посетить, хотя цены в нем довольно сильно кусались, а во втором – ресторан и библиотека. Очень богатая. Так сказала мама, вчера успевшая там побывать.

Перед главным входом имелся фонтан, пока еще не включенный после зимы, а потому закрытый защитным куполом. Чуть в стороне виднелись крытый бассейн, теннисные корты, конюшня, предлагающая прогулки на лошадях, детская площадка, выполненная в том же старинном стиле, что и основной корпус, с качелями-ладьями и домиком на дереве. Также на территории санатория имелся парк в десять гектаров, а в нем розарий, пруд с лебедями, беседки и скамейки в тени деревьев, прогулочные тропинки, велодорожки и терренкуры различной сложности. Отдыхай – не хочу.

К дальней части парка как раз и примыкала та самая березовая роща, которую Снежана обнаружила при первом же знакомстве и которую решила сегодня обследовать более внимательно. Почему-то дикая, неухоженная роща привлекала ее своей первозданностью гораздо больше приглаженного и причесанного парка.

Снежана подошла к основному входу и задумалась: куда идти? Сразу на обед в ресторан? Или для начала в номер, чтобы переодеться? После того как она практически целовалась с березами, руки и щеки у нее были липкими от сока, на толстовке под расстегнутой курткой виднелись начинающие подсыхать пятна. Да, пожалуй, стоит переодеться.

Вдруг подумалось, что в рощу стоит вернуться еще раз, прихватив с собой хотя бы маленькую бутылочку, чтобы собрать березового сока детям. Это же здорово – получить возможность попробовать натуральный сок, а не химозную сладость из магазина. Когда еще подвернется такая возможность. Пластиковые бутылки из-под воды в номере были. Каждое утро при уборке их заменяли на новые. Если вылить воду и припрятать одну бутылку, то раздобыть сок детям вполне получится.

Правда, использовать чужие приспособления для сбора, наверное, некрасиво. Но не царапать же стволы деревьев самой. Она не умеет сделать это правильно, а наносить ущерб березам не собирается. Наверное, надо у кого-нибудь спросить.

В ее номере еще шла уборка. Горничная Вероника, совсем молоденькая девчушка лет восемнадцати, пылесосила ковровое покрытие.

– Я уже заканчиваю, – доброжелательно сказала она, заметив нерешительно топчущуюся на пороге Снежану. – Вы проходите. Я быстро.

– Да, спасибо, – поблагодарила Снежана. – Скажите, Вероника, а вы знаете, кто собирает березовый сок в роще? Я бы хотела тоже собрать немного. Или купить.

– Папа мой собирает, – весело откликнулась девчушка. – И не надо ничего покупать. Он всегда охотно угощает отдыхающих, так что и вам даст. Я попрошу, чтобы он захватил бутылочку, и принесу к вам в номер. Идет?

– Спасибо, – искренне поблагодарила Снежана. Значит, вот кого она, скорее всего, видела в роще, отца Вероники. Точнее, не видела, а слышала, но это не имеет значения. – А скажите, деревьям не вредно, что у них забирают сок?

– Если все делать по правилам, то нет, – убежденно заявила девушка. – Мой папа всегда соблюдает технологию.

– Технологию?

– Ну да. О деревьях нужно заботиться. Например, после завершения сбора обязательно закрывать проделанное отверстие, чтобы предотвратить излишнюю потерю сока и заражение дерева. Для этого папа носит с собой кусочки деревяшки и забивает ее в качестве своеобразной пробки. А некоторые используют садовый вар или свечной воск. Да и пластилин, на худой конец, подойдет. Главное, соблюдать меру и не оставлять рану открытой, потому что если сока вытекает слишком много, то это ослабляет березу. А еще туда могут попадать споры грибов-трутовиков, которые в будущем уничтожат дерево.

– А еще какие правила имеются? – спросила Снежана.

Отчего-то ей было очень интересно.

– Да они простые, – махнула рукой горничная. – На одном дереве нельзя делать больше одного отверстия. Если сока нужно много, то лучше использовать другие деревья. Свежий березовый сок нужно выпить в течение суток, максимум двух. Он очень быстро портится, так что из емкостей для сбора его лучше сливать раз в час и уносить в холодильник.

– Да как же его можно успеть выпить в течение суток? – изумилась Снежана, вспомнив десятки пятилитровых бутылей, развешанных на деревьях. – Его же так много.

– Папа его собирает в течение дня, а вечером перерабатывает все, что осталось. Разводит с сахарным сиропом, добавляет лимон или апельсин и закатывает в стерилизованные трехлитровые банки. Я ему помогаю, – охотно пояснила девушка. – Кстати, получается намного вкуснее, чем чистый сок. Он же такой своеобразный, на любителя.

Снежана машинально облизала липкие губы. Да, действительно своеобразный. Не факт, что дети будут пить.

– Я вам и переработанный попробовать принесу, – тут же пообещала Вероника. – Главное, помните, что мутнеющий сок или там с осадком пить не рекомендуется. Это признак, что он испортился.

– Я запомню, – пообещала Снежана.

– Я побежала, – Вероника подхватила пылесос. – Сок завтра принесу, не забуду. Но если захотите до этого, так можете в роще отлить немного. Папа не рассердится.

Горничная ушла, а Снежана, оставшись одна, быстро переоделась, умылась, избавляясь от березовой липкости, и поспешила в ресторан, где ее уже ждали мама и дети. А в рощу она пойдет еще. Вот уложит детей на дневной сон, прихватит блокнот и карандаш и отправится туда, чтобы сделать зарисовки для будущего кружева. Если повезет, то получится новая коллекция. Снежана уже и название для нее придумала. «Шепот кружевных берез».

* * *

Идеальная картинка семьи, той, какую я хотел бы иметь и какой у меня никогда не было, сложилась в голове, когда мне исполнилось пять лет. Я до сих пор помню момент, когда я впервые отчетливо это понял. Мама тогда оставила меня у подъезда, забрав из детского сада. Она была, по обыкновению, пьяна. Не настолько, чтобы воспитательница не отдала меня ей, да и с моей боевой мамой она обычно старалась не связываться. Совсем чуть-чуть. В этой стадии опьянения она обычно бывала добра и слезлива. Часто гладила меня по голове и называла деточкой.

По дороге домой мы зашли в магазин, где мама купила шкалик. В моей детской голове отметились, что у нее откуда-то появились деньги, которых могло хватить на калач с изюмом, вожделенное лакомство, перепавшее мне нечасто. Но калач мама покупать не собиралась, правда, заметив тень сожаления, мелькнувшую на моем лице, она кинула на прилавок, где торговали соком в разлив, спичками и всякими мелочами, пять копеек, и купила мне петушка на палочке.

Всю дорогу домой я сосредоточенно его облизывал, раздумывая, покормит меня мама вечером или придется довольствоваться садиновским полдником, и в целом, жизнь казалась мне почти сносной, пока у подъезда я не увидел дядю Валеру, мамино ухажера, который частенько захаживал к ней с водкой и немудреной закуской.

Дядю Валеру я не любил, потому что с его приходом меня всегда выгоняли из нашей маленькой дворничкой на улицу, причем, независимо от погоды. Хорошо, если дело было летом, тогда я мог присоединиться к играющим во дворе ребятам, которые меня, шкета, брали в компанию неохотно, но и не прогоняли. Жалели из-за мамы. В мороз или в дождь приходилось мерзнуть на улице в одиночестве примерно в течение часа, пока не закончатся доносящиеся из дворничкой охи и стоны.

Когда они заканчивались, я мог возвращаться домой, однако в теплую погоду я не торопился, потому что после обжиманий на кровати мама и дядя Валера усаживались за стол и принимались глушить водку. Ту, что была у мамы, и ту, что он приносил с собой. Иногда мне перепало нехитрой снеди со стола: вареной картошки с луком и черным хлебом, селедки или копченой скумбрии, которую я и вовсе почитал за деликатес.

Но чаще дядя Валера велел не путаться под ногами, чтобы не получить леща. Пару раз я, и впрямь, попадал под горячую руку, поэтому предпочитал по максимуму возможного оставаться на улице. Бежал я не из-за тумачков и подзатыльников, бил дядя Валера не сильно, больше для острастки, а из-за острой обиды на никогда не заступающуюся за меня маму. Между мной и дядей Валерой она всегда выбирала не меня.

В тот день, о котором я говорю, было довольно тепло. Стоял конец мая, детворы во дворе много, мальчишки играли в футбол, но среди них, к своему огорчению, заметил Мишку из первого подъезда. Отчего-то он сильно меня не любил, никогда не позволял присоединиться к их компании, а еще, что гораздо хуже, все время обзывал мою маму. Звучали слова «синь», «пьянь», «за чекушку любому даст». Что именно мама даст, он не уточнял, а я не переспрашивал, потому что слишком хорошо знал, что за чекушку мама отдаст что угодно.

В общем, при виде Мишки я решил ретироваться в соседний двор, где меня никогда не обижали. Там на первом этаже во втором подъезде жила бабушка Сильвестровна, частенько выносившая мне черный хлеб с солью, а то и сухарь с изюмом. Она тоже что-то говорила про мою мать, называя ее непутевой, но от Сильвестровны это было слышать не так обидно, как от Мишки, да и сухарь пах слишком умопомрачительно, чтобы от него отказываться.

Сильвестровны во дворе не оказалось, зато у первого подъезда стояла машина, из кузова которой выгружали вещи. На лавочке мальчик примерно моих лет грыз большую грушу. Я откуда-то знал, что это именно груша, хотя никогда ее не пробовал. Он сидел на лавочке, ел грушу, болтал ногами, и я не мог отвести от него глаз.

Высокий солидный мужчина в военной форме командовал снующими туда-сюда солдатами, разгружающими машину. Из подъезда вышла женщина, молодая, очень тоненькая и красивая, подошла к мальчику на скамейке и нежным движением вытерла липкую от груши щеку белоснежным носовым платком, обшитым кружевом. А потом заметила меня, наблюдавшего за ними с безопасного расстояния.

– Малыш, – позвала она и начала озиаться в поисках взрослых, с которыми я мог прийти. В ее понимании такой маленький ребенок не мог оставаться на улице в одиночестве. Ну да. Она ничего не знала про дядю Валеру и шкалик водки. – Ты чей?

Интонация у нее была ласковая и совсем не страшная, так что я рискнул подойти поближе.

– Как тебя зовут? – спросила она, и я назвал, потому что в детском саду нас учили быть вежливыми.

– А я Мария Сергеевна, тетя Маша. Тебя одного отпускают гулять? Ты в этом доме живешь?

Я сказал, что да, отпускают, и нет, в соседнем. Это ее, признаться, сильно удивило.

– Как же тебя мама отпускает одного? – спросила она. – Неужели тут так безопасно?

Последний вопрос предназначался не мне, а мужчине, руководящему грузчиками. Тот повернулся к Марии Сергеевне с немного недовольным лицом, бросил раздраженно:

– Именно об этом, Маша, я тебе и твержу уже битый месяц. Это хороший район, и в нем совершенно безопасно.

– Ты же понимаешь, что я не за себя беспокоюсь, а за Мышонка, – с укоризной сказала женщина.

Я удивился, потому что с мышами моя мама боролась нещадно. Во всех углах нашей дворничкой стояли мышеловки, мама регулярно с победным кличем освобождала их от попавшихся мышей и мышат, и беспокоиться о них ей даже в голову не приходило. С некоторым опозданием я все-таки понял, что Мышонком Мария Сергеевна называла своего сына, того самого мальчика, что доел свою грушу, бросил хвостик прямо на асфальт, вытер липкие руки о штаны и требовательно протянул руку, лаконично сказав:

– Еще!

– Хватит, скоро ужинать будем, – Мария Сергеевна отрицательно качнула головой. – Давай лучше мальчика угостим.

Она полезла в сумку, достала оттуда и протянула мне, я глазам своим не поверил, грушу. Чуть меньше той, что грыз Мышонок, но самую настоящую. Я сделал шаг ближе, потом еще один и еще. Груша манила меня, но я никак не мог поверить, что мне действительно ее отдадут.

– Нет, мне! – Мальчик по имени Мышонок, спрыгнул со скамейки, сердито притопнул ногой. – Почему ты отдаешь ему мою грушу? Это моя груша.

– Эта груша моя, потому что я ее купила, – терпеливо сказала тетя Маша. – И я решаю, кому ее отдать. Ты уже съел одну и наверняка откажешься от ужина, что совершенно неправильно. И надо уметь делиться. Помнишь, мы про это говорили.

– Моя груша! – снова притопнул ногой Мышонок.

– Маша, ты его избаловала. – В голосе мужчины опять звучало раздражение. – У нашего сына совершенно отсутствует эмоциональный интеллект. Он не способен делиться, потому что не может замечать радость других. Хотя к пяти годам дети уже умеют делиться осознанно. Я все-таки настаиваю, чтобы ты, пока меня не будет, показала его психологу.

– Да бог с тобой, – Мария Сергеевна устало вздохнула. – Какой психолог в пять лет. Он же еще ребенок. И все с ним нормально. Это я тебе как дипломированный психиатр говорю.

Она подошла ко мне и протянула грушу раздора.

– На, держи. Только не испачкайся, чтобы мама тебя не ругала.

Вряд ли какое-то предположение могло быть более диким. Мама не замечала пятен на моей одежде, пока та не начинала стоять колом. Она вообще стирала нечасто. Я сделал еще шаг, потом еще и наконец подошел к тете Маше, чтобы взять грушу с ее ладони. Судорожно сглотнул, когда она оказалась в моих руках.

– Спасибо, – шепотом сказал я, потому что в детском саду нас учили быть вежливыми.

Из-за пересохшего горла вышло тихо и не очень вразумительно, но тетя Маша поняла и ласково мне кивнула.

– На здоровье, малыш.

Мышонок у скамейки снова топнул ногой и одарил меня взглядом, в котором было столько ненависти, что, умей я тогда размышлять подобными категориями, сразу бы понял, что только что заполучил заклятого врага. Однако все мои мысли были заняты грушей. Я держал ее в маленьком кулачке: круглую, золотисто-желтую, с красным бочком, похожую на маленькое солнце.

Кожица у нее была твердая, чуть шершавая, а сама груша внутри казалась мягкой, словно налитой соком. Она была совершенно не похожа на яблоки, которые мне перепалили нечасто, но были самым лучшим угощением, следующим за калачом и конфетами. И на картошку не похожа, и на морковь тоже.

На пару минут я отвлекся от происходящего во дворе, потому что поднес грушу к носу. Запах ударил неожиданно – сладкий, свежий, разительно отличающийся от привычных запахов моего дома: вареной капусты, постоянной сырости, старого несвежего одеяла. Пожалуй, это был запах праздника. Мне даже на миг показалось, что я слышу музыку и смех.

Съесть или сохранить на потом? Искушение вонзиться в сладко пахнущую мякоть зубами было таким сильным, что я даже зажмурился. Если я сейчас ее съем, на потом не останется ничего, кроме воспоминаний. А если немного потерпеть, то все удовольствие останется впереди.

Нет, терпеть я не мог. Я поднес грушу ко рту и сделал первый укус, аккуратный, чтобы волшебный фрукт уменьшился всего на маленький кусочек. Кожура поддалась легко, почти без усилия. Несмотря на все мои старания, груша брызнула соком во все стороны. Прохладные сладкие капли попали на подбородок, закатали на рубашку.

Я замер от удивления. Внутри было не твердо, как у яблока, а сочно, мягко, с крошечными крупинками. Я откусил еще кусочек, стараясь удержать губами текущий сок. На вкус груша была бесподобна, я никогда не пробовал ничего похожего. Не просто сладкая, как сахар, который мама клала в чай, если он был, а с какой-то глубиной: чуть цветочно, чуть свежо, с легкой кислинкой на кончике языка.

Я закрыл глаза и откусил еще раз, уже смелее. Сок тек по подбородку. Я вытер его ладонью и облизал ее, хоть и не совсем чисто. Подумаешь, какие мелочи. Все мое внимание было внутри, во вкусе. В животе разливалась теплота.

– Вкусно? – спросила тетя Маша.

Я кивнул, будучи не в силах выговорить ни слова.

– Вот и славно, – прекрасная женщина улыбнулась и повернулась к сыну:

– Мышонок, пойдем домой. Я покормлю тебя ужином, а потом дам еще одну грушу.

Он насупился, размышляя, требовать ли желанное сейчас, но, видимо, все-таки решил, что избавиться от меня будет нелишним. Для этого нужно уйти домой, куда мне нет хода. Осознав это, я чуть не заплакал от острого чувства горечи. В этот момент мне страшно хотелось, чтобы Мария Сергеевна, тетя Маша, была моей мамой и сейчас вела домой меня, одетого в чистенький костюмчик с мышатами из мультфильма про кота Леопольда. Опять мыши! Впрочем, я был согласен и на мышей.

– Дорогой, помоги, – Мария Сергеевна кивнула на большую сумку, стоящую у скамейки.

Ее муж велел солдатам заканчивать, легко поднял сумку и понес, а я стоял и смотрел, как эти трое идут к своему подъезду. Да, именно в тот момент я и осознал, как должна выглядеть идеальная семья: высокий мужчина с отличной выправкой, чуть уставший от того большого дела, которым он занимается, но надежно оберегающий близких от житейских бурь, стройная красивая женщина с нежным голосом и ласковыми глазами, и маленький мальчик, доверчиво держащий мать за руку и уверенный, что весь этот мир вращается вокруг него.

Я смотрел им вслед и доедал свою грушу, неожиданный подарок небес, свалившийся на меня. Я ел медленно, стараясь растянуть каждый кусочек, запомнить всё: как хрустит кожура на зубах, как тает мякоть, как остается послевкусие – будто ветерок с какого-то другого, чужого

мне мира. Когда от груши остался только хвостик, я долго держал его в ладони, а потом заботливо положил в карман, дав себе зарок сохранить на память.

Груша закончилась, но ощущение осталось, поселившись где-то под ребрами, теплое, светлое, ароматно пахнущее. Я обвел глазами знакомый двор. Мне показалось, что мир стал чуть больше, чем был еще совсем недавно. Теперь он вмещал не только картошку, капусту и петушка на палочке, но и мягкое солнце с запахом и вкусом праздника.

Я ошибался во дворе, пока солдаты не закончили разгрузку и не уехали на пустом грузовике. Почему-то я ждал, что Мария Сергеевна вспомнит про меня и спустится во двор, чтобы позвать к себе, к ним. Но до самого вечера никто из подъезда так и не вышел. Когда я опомнился, то побежал домой, не без основания опасаясь, что меня неминуемо накажут за долгое отсутствие.

Однако его никто даже не заметил. Мама и дядя Валера спали, положив головы прямо на липкую клеенку стола, заваленного стаканами, грязными тарелками, обрывками газеты, пахнущими селедкой, и окурками. Все это так не походило на красочную картинку, прочно поселившуюся у меня в голове, что я прошел за занавеску, отделяющую мой уголок от остальной комнаты, бросился ничком на кровать и заплакал. Отчаянно, навзрыд, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не разбудить маму и ее собутыльника.

С того самого дня я, когда только мог, бегал в соседний двор. Не для того, чтобы меня угостили, вовсе нет. Я просто хотел увидеть их, всех троих, свой идеал семьи, которой у меня никогда не было. Иногда мне это удавалось, и тогда я весь день был беспричинно счастлив, но чаще я видел только Марию Сергеевну, возвращавшуюся домой со своим Мышонком.

Если она замечала меня в зоне видимости, то всегда махала рукой. Если же мне везло и вовсе оказаться в непосредственной близости, то я устаивался печенья, конфеты или снова какого-нибудь фрукта. Летом это могла быть клубника, зимой мандарин или даже апельсин. При этом тетя Маша всегда называла меня по имени, и мне отчего-то страшно льстило, что она запомнила, как меня зовут.

Смешно, но имени Мышонка я по-прежнему не знал. О том, что у этого домашнего мальчика были и имя, и фамилия, мне стало известно только спустя два года, когда я пошел в школу. По иронии судьбы, мы с Мышонком оказались в одном классе, и между нами – zalюбленным ребенком из благополучной семьи и фактическим беспризорником, которым я только и мог стать при пьющей матери-дворничихе, – установилась какая-то странная, местами болезненная и крайне своеобразная дружба.

По крайней мере, теперь я частенько бывал у них дома. Мария Сергеевна по-прежнему чрезмерно опекала сына, а потому каждый день встречала его из школы и за руку вела домой, обедать. Несколько раз в неделю за ними увязывался и я. Меня сажали за стол в кухне, накрытой кружевной скатертью, наливали тарелку наваристого супа, в котором, о боже, плавало мясо. На второе подавалась жареная картошка в хрустящей корочке или взбитое в мягкую воздушную пену пюре с котлетой.

Я уминал все это с такой скоростью, словно шел на мировой рекорд, в то время как Мышонок с недовольным лицом размазывал еду по тарелке.

– Ты ничего не ешь, – укоряла его Мария Сергеевна своим нежным ангельским голоском. – Брал бы пример с друга.

Я никак не мог набраться решимости, чтобы указать ей на явную несправедливость примера. Иногда тот обед, который я ел у них, был моей единственной едой за три дня. Если бы мне позволяла совесть, я бы столовался у них каждый день, но это явно было бы неприлично. А еще во мне говорила гордость. Я физически не мог становиться нахлебником, переходя ту грань, где простое угощение превращалось бы в меру социальной поддержки сирых и убогих. Я не хотел, чтобы тетя Маша меня жалела.

Именно поэтому предложение старухи Сильвестровны помогать ей по хозяйству стало для меня просто манной небесной. Теперь после школы я приходил к ней, чтобы убрать в квартире, вымыть полы, вынести мусор, сбежать в магазин за продуктами или купить лекарства в аптеке. Дважды в неделю я по-прежнему сначала заходил к Марии Сергеевне, а уже потом отправлялся на свой внезапный приработок. В остальные дни я сразу шел к Сильвестровне.

– Есть будешь? – с порога спрашивала она.

В те дни, когда обедом меня кормила тетя Маша, я отказывался от еды, делал все необходимое и, уходя, получал от старухи пятьсот рублей. Если я был голодным, то делил с Сильвестровной нехитрый ее обед, и в этом случае денег она мне не давала. Я работал за еду и считал это справедливым.

За первый месяц «работы» я скопил пять тысяч рублей. Я никогда не держал в руках таких денег. Мамина зарплата составляла двадцать две тысячи, большую часть которых она пропивала. Мысль отдать свой первый заработок ей даже не пришла мне в голову. Эти пять тысяч я принес Марии Сергеевне и выложил на белое кружево скатерти с гордым видом добытчика.

– Что это, малыш? – ласково спросила она.

– Деньги, – пояснил я, недоумевая, что она сама этого не видит.

– Я понимаю, – все так же ласково улыбнулась она. – Откуда и зачем?

– Я заработал, – торопливо пояснил я. Меня вдруг как будто кипятком ошпарила мысль, что тетя Маша может заподозрить меня в воровстве. – Мне бабушка Сильвестровна платит за то, что я ей помогаю по хозяйству.

– Вера Сильвестровна? Она наняла тебя для помощи по дому? Да, это действительно прекрасный выход и для нее, и для тебя. Какая же она молодец, – задумчиво произнесла Мария Сергеевна. – И ты молодец, разумеется. Забирай деньги, сейчас будем обедать.

– Это вам, – сказал я и, видя ее непонимающее лицо, объяснил: – На продукты. Вы же меня кормите. Это мой вклад.

– Малыш, – ее лицо изменилось. – Неужели ты думаешь, что я могу взять с тебя деньги за еду, зная, как вы нуждаетесь. Отнеси их лучше маме и попроси купить тебе новые ботинки. Хотя нет, на ботинки все равно не хватит.

– Вот именно, – согласился я. – Ботинки двадцать тысяч стоят, как минимум. А накопить мамка не сможет. Пропьет. Тетя Маша, вы заберите деньги, а то я у вас больше обедать не стану.

Пять тысяч Мария Сергеевна тогда взяла, и в следующие несколько месяцев брала тоже. На них в том далеком 1994 году можно было купить примерно двенадцать батонов, или четырнадцать буханок черного хлеба, или три литра молока, или семь килограммов сахара, или два десятка яиц. Впрочем, на яйца бы не хватило. Свою детскую наивность я осознал гораздо позже, но тогда, благодаря своему скромному вкладу в их семейный бюджет, по крайней мере, не чувствовал себя нахлебником.

Все оборвалось в середине июля, когда моя мать, по обыкновению выгнавшая меня из дворницкой, осталась проводить время со своим «другом». После дяди Валеры были дядя Слава, дядя Коля, дядя Савелий и дядя Олег. Очередного собутельника велено было величать дядей Игорем, и они с мамой оба отравились принесенным им суррогатом. Мама умерла сразу, а дядя Игорь через два дня в больнице.

Свой девятый день рождения и начало учебного года в четвертом классе я встретил в детском доме. Я до сих пор помню, как плакала тетя Маша, когда меня увозили туда. Я же вцепился в ее юбку крепко-крепко, пытаясь отсрочить ту печальную неизвестность, которая ждала меня впереди.

– Малыш, я постараюсь тебя забрать, – шептала она, шмыгая носом и глядя меня по голове. – Вот прямо завтра пойду в органы соцзащиты, узнаю, какие нужны документы, начну процесс оформления опекуна и, как только мне разрешат, заберу тебя. Обещаю.

В детском доме я ждал ее каждый день до Нового года, а потом перестал. Я вдруг понял, что тетя Маша не приедет и не заберет меня к ним, в ту идеальную семью, в которую я так стремился. Я понимал, почему она так поступила. Мария Сергеевна выбрала спокойную размеренную жизнь, в которой нет места сыну нищей пьянчужки, кончившей жизнь чуть ли не под забором. Она выбрала возможность не объясняться с мужем, не выдерживать ревность сына, не возиться с чужим ребенком, наконец. Она выбрала не меня.

* * *

Убийство, которое расследовал следователь Зимин, не выглядело сложным, в первую очередь потому, что убийцу задержали фактически над трупом. Генеральный директор крупной строительной фирмы, придя утром на работу, обнаружил распростертое на ковре тело своего заместителя, а рядом главного юриста фирмы с окровавленным ножом в руках.

Юрист раскачивался вперед и назад, стоя на коленях и недоуменно рассматривая собственные залитые кровью руки. Генеральный директор, хоть и был мужиком не робкого десятка, а подходить побоялся, аккуратно притворил дверь кабинета, выскочил из приемной, заперев ее снаружи на ключ, после чего вызвал службу охраны. Те уже, прибыв на место и оценив ситуацию, позвонили в полицию.

Через полчаса потенциального убийцу увезли, в кабинете работала следственная группа, а старший следователь Зимин допрашивал гендиректора, который, хотя и не мог до конца прийти в себя, показания давал четко и спокойно.

На работу в этот злосчастный день он приехал на час раньше обычного. Ему предстояла командировка в соседний регион, а потому он хотел спокойно подготовиться до того, как начнется ежедневная круговерть дел, совещания и планерки.

Именно потому, что до начала рабочего дня оставалось еще много времени, в офисе никого не было, кроме дежурного охранника на входе. Кивнув ему, гендиректор, которого звали Игорем Николаевичем Маклаковым, поднялся на второй этаж, где располагалась его приемная, прошагал по пустому коридору, достал из кармана ключи и в этот момент обнаружил, что дверь в приемную приоткрыта.

Это было странно, потому что секретарша Марина приходила на работу обычно минут за десять до начала рабочего дня. Делать в офисе в восемь часов утра ей было совершенно нечего, но факт оставался фактом. Игорь Николаевич вошел в приемную, которую он, вместе с секретаршей, делил со своим заместителем Олегом Петровичем Никоновым, и обнаружил, что дверь в кабинет Никонова распахнута настежь, и оттуда доносятся какие-то странные звуки, похожие на собачий скулеж.

Из дверного проема его глазам открылась страшная картина, заставившая стремглав выскочить обратно в коридор, трясущимися руками запереть дверь, чтобы раскачивающийся, стоя на коленях, главный юрист фирмы Матвей Дроздов, не сбежал, и заполошно позвать на помощь охранника.

– Вы знаете, почему ваш заместитель и юрист оказались в офисе в неурочное время? – спросил Зимин Маклакова.

– Понятия не имею, – замотал головой тот. – Рабочий день у нас в конторе начинается в девять утра. Все обычно приходят плюс-минус к этому времени.

– Никакого срочного задания у Никонова и Дроздова не было? – уточнил Зимин. – Может, они готовили какие-то документы к вашей командировке, о которой вы упомянули?

Ему показалось или перед ответом Маклакова возникла совсем короткая заминка?

– Нет, никакого моего задания они точно не выполняли.

– Хорошо. Над какими проектами сейчас работает ваша фирма? Чем занимались ваш заместитель и юрист?

– Ничего такого, что требовало бы раннего прихода на работу. Мы возводим один жилой микрорайон, все давно налажено, и именно этот проект полностью курирует мой зам. То есть курировал, – поправился Маклаков и передернулся. – Господи, какой ужас. Я просто поверить не могу в то, что случилось.

Руки его тряслись.

– А Дроздов?

– Обычная юридическая текучка. Договоры, поставки, неустойки. Ничего криминального, я вас уверяю.

– Скажите, Игорь Николаевич, а у вас есть предположения, на какой почве могли поссориться ваши подчиненные?

Маклаков молчал, и это молчание было красноречивее любых слов. Зимин выжидал. Он годами вырабатывал в себе терпение, потому что тактика выжидания часто приносила гораздо больше, чем кавалерийский наскок.

– Ладно, вы все равно узнаете, – наконец сказал собеседник. – Больше всего на свете люди любят сплетни, и наверняка найдутся желающие потрясти грязным бельем. В общем, Никонов увел у Дроздова жену. Ну, как увел. Не совсем. Просто они встречались... Спали...

– То есть жена вашего юриста Дроздова была любовницей вашего заместителя Никонova, – опять уточнил Зимин, предпочитавший полную ясность. – Как давно?

– С Нового года. У нас в декабре был корпоратив, на который сотрудники могли приходить с женами. Вот Матвей и пришел с супругой, а Олег пригласил ту танцевать. Так все и завертелось.

– Простите, а как вы узнали об их романе?

Маклаков усмехнулся.

– Простите, как вас зовут? Вы представились, но я не запомнил. Простите.

– Михаил Евгеньевич.

– Михаил Евгеньевич, вы знаете особенности места, в котором мы с вами обитаем. Тут весь город фактически живет в одном подъезде и спит под одним одеялом. Олег разведен и живет один, то есть жил, – снова поправился он. – Так что встречались они у него в квартире. А в этом же самом доме, который мы, кстати, и построили, живет наша главбух, Елена Максимовна, очень глазастая женщина. И любопытная, как все главбухи. Она заметила, что Маша, то есть жена Дроздова, приезжает к ним во двор на машине, причем регулярно, а потом увидела, как Олег вышел ее провожать, и сопоставила два и два.

– И что же, она рассказала об этом Дроздову?

– Нет, что вы. Она поделилась со мной, но так, что слышала моя секретарша. Марина.

– Болтливая, как все секретарши, – картина произошедшего становилась все яснее. – И когда до Дроздова дошла информация о неверности его жены?

– Неделю назад, – Маклаков вздохнул. – Была ужасно некрасивая сцена, они чуть не подрались при всем честном народе. Начиналась планерка, зал был уже полон, Дроздов ворвался. Подбежал к Олегу, пытался его ударить, но тот оказался ловчее, вывернулся, отшвырнул Матвея и холодно велел ему убираться. Тот пытался кинуться еще раз, но его удержали и оттащили, вывели из кабинета, а он все вырывался и кричал, что Олег еще пожалеет. Вот и пожалел.

Что ж, у задержанного над трупом подозреваемого и мотив имелся. Да еще такой, железобетонный. К железобетонным мотивам следователь Зимин относился с подозрением. Однако опрос других сотрудников строительной компании «Орион» подтверждал первую версию – убийство из личной неприязни и мести. О том, что жена Дроздова изменяет мужу с заместителем генерального директора, знал, без преувеличения, весь коллектив. Никонova и Дроздова жалели, жену последнего осуждали.

Когда все следственные действия на месте преступления были закончены, тело жертвы и его убийцу увезли, Зимин поехал не в следственный комитет, а по месту жительства подозреваемого, чтобы переговорить с Марией Дроздовой. Та оказалась красивой хрупкой женщиной тридцати лет, испуганно дрожащей внутри теплой шали с бахромой, накинутой на плечи.

Шаль была дорогая, будучи мужем владелицы дорогого ателье, Зимин в этом разбирался. Большая, полтора метра на полтора, и в ее состав явно входили шелк и кашемир. Это была даже не шаль, а настоящее произведение искусства с ручной росписью, созданное каким-то известным брендом, и стоила она наверняка целое состояние.

– Подарок Олега Петровича? – спросил Зимин.

– Вы уже знаете, – не спросила, а констатировала Дроздова. – Да, на Восьмое марта привез из Москвы. Сказал, что эта шаль создана известным итальянским домом моды, который уже сто лет славится своими эксклюзивными аксессуарами из редких материалов. Вот, смотрите.

Она скинула шаль с плеч и развернула, чтобы пришедший следователь мог полюбоваться ею. Это действие выглядело немного дико, но Зимин не прерывал молодую женщину, зная, что подобное поведение вызвано глубоким шоком, в котором та пребывала. На шали цвела нежно-розовая сакура, раскиданная по основному тону цвета слоновой кости, и, надо признать, Дроздовой вещь очень шла.

Зимин вдруг подумал, что ему бы хотелось иметь возможность подарить подобную шаль своей жене. Снежане она бы тоже очень пошла, но у следователя нет и не может быть таких денег. Впрочем, Снежана от него подобных подарков и не ждет.

Он вынырнул из привычных мыслей о жене и, отгоняя непрошенное сочувствие, спросил у Дроздовой:

– Мария Алексеевна, вы знали, что ваш муж в курсе вашей измены?

Отблеск розовой шали в ее глазах померк, она снова накинула ее на плечи, обхватив себя двумя руками за плечи.

– Да, он обо всем узнал. Мир не без добрых людей. На работе рассказали. Он сначала не поверил, вернулся домой, спросил у меня.

– А вы?

– А я не стала отпираться. Понимаете, это выглядит так пошло. Интрижка, адюльтер с начальником. Но мы с Олегом... с Никоновым, действительно полюбили друг друга. Вернее, это я влюбилась в него, как девчонка. Он так красиво ухаживал. Такие слова говорил. Подарки вот...

Она разжала руки, повела плечом, и невесомая шаль плавно скользнула к ее ногам.

– Вы собирались уйти от мужа? К Никонову.

Дроздова покачала головой:

– Он меня не звал. Точнее, мы вообще об этом не говорили. Только три дня назад, когда я во всем призналась мужу и Матвей ушел из дома, я позвонила Олегу, и тот сказал, чтобы я не переживала и, если захочу, приезжала к нему. Я отказалась, потому что переживала за Матвея, не понимала, куда он может пойти, да еще ночью. Холодно же. В общем, я осталась дома, а Матвей так и не пришел. Он вернулся часов в десять, весь взъерошенный, с разбитым носом. Сказал, что они с Олегом подрались на работе. Он весь дрожал, потом заплакал и сказал, что меня прощает, лишь бы я не уходила от него.

– И что было дальше?

– Ничего. Мне пришлось сказать, что я не уйду, чтобы его успокоить. Он до позднего вечера проспал на диване, свернувшись калачиком, как ребенок. А на следующий день пошел на работу, как обычно. Вернулся вечером, молча поужинал и лег снова спать. Я пыталась как-то начать разговор, но он не дал мне говорить, закрылся в гостиной, а потом снова ушел.

– Куда? Во сколько?

– Я не знаю, он ночевал в гостиной на диване. Когда я проснулась, его уже не было.

– Во сколько вы проснулись?

– В районе семи. Я решила, что Матвей ушел так рано, чтобы не пересечься со мной. А потом позвонили...

Она не выдержала, заплакала. Зимин немного переждал, дав ей выплакать немного горя. В ближайшее время этой женщине предстояло его черпать полными ложками. Любовник убит, муж в тюрьме. Есть о чем плакать.

Что ж, поведение Матвея Дроздова накануне убийства тоже явно говорило не в его пользу. Похоже, все эти дни он планировал отомстить обидчику за свою поруганную честь. Вот только как он заманил Никонова в офис в нерабочее время? Пригласил на разговор? Возможно, очень возможно.

Вернувшись в свой кабинет, Зимин вызвал подозреваемого Дроздова на допрос. Несмотря на то, что с момента преступления прошло уже несколько часов, выглядел юрист понурым, дрожал мелкой дрожью, не мог говорить, потому что во рту с трудом ворочался сухой язык. Он попросил воды, жадно выпил стакан, а потом и второй и выглядел человеком явно не в себе. Психиатрическую экспертизу ему назначить, что ли? Впрочем, это успеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.